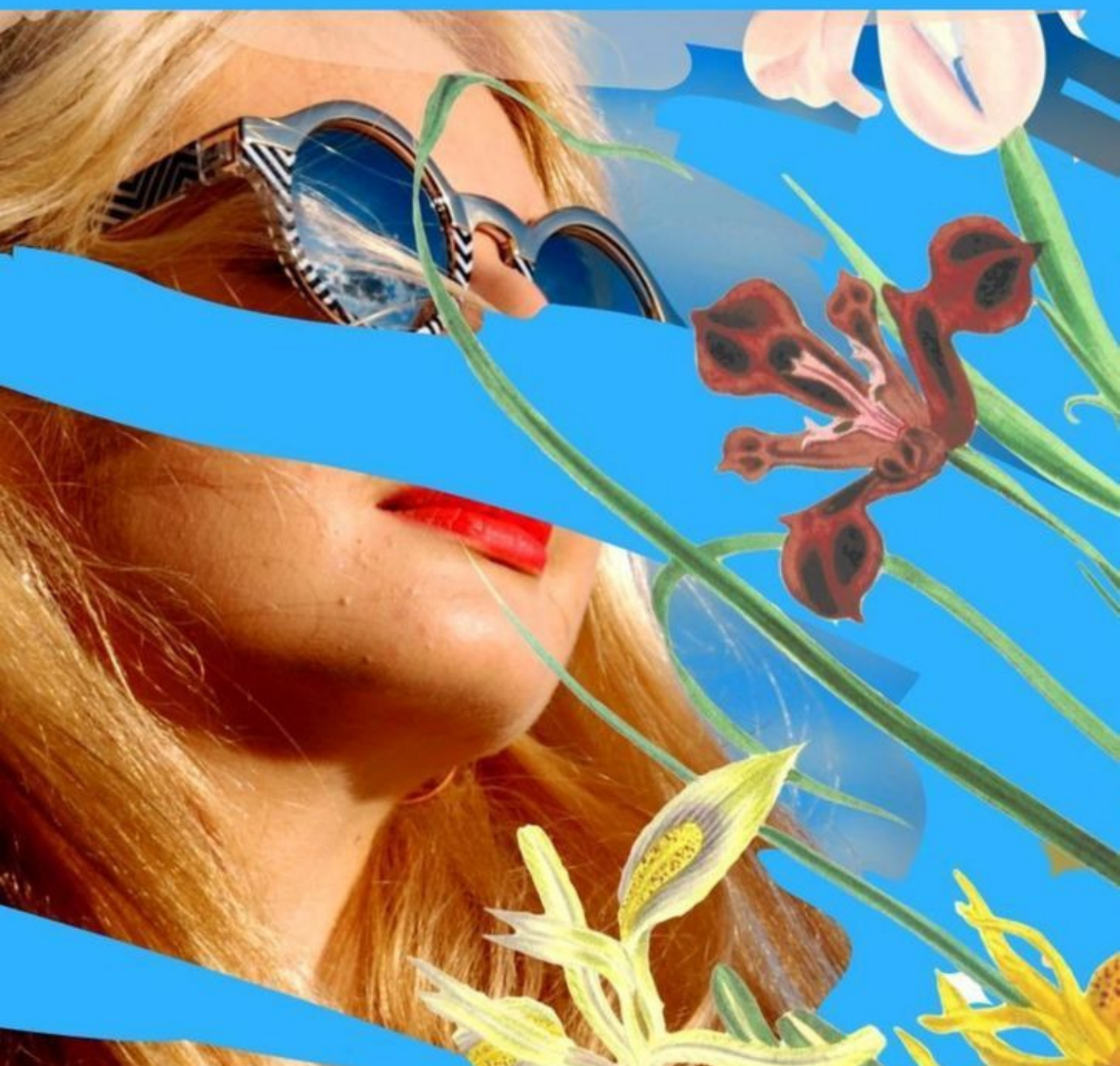

18+

Татьяна Костенко

Синяя-синяя птица

Сборник стихов

Татьяна Костенко

**Синяя-синяя птица.
Сборник стихов**

«Издательские решения»

Костенко Т.

Синяя-синяя птица. Сборник стихов / Т. Костенко —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-989166-2

Второй сборник стихов, выпущенный летом 2020 года, оказался для автора первой ступенью к переосмыслению задачи творчества и очередным шагом на пути к душе читателя. Самое главное: что принесу я в этот мир своими стихами? что останется после? не приумножу ли я зло и страдания неаккуратным выбором слов? Поиск баланса между ответственностью автора и человеческой честностью — основа этой книги.

ISBN 978-5-44-989166-2

© Костенко Т.
© Издательские решения

Содержание

«Синяя, синяя птица...»	6
«Даже если грустишь...»	7
«Снова время застудило комнату...»	8
«карамельный ветер...»	9
«Этот город другой...»	10
«в голубой комнате...»	11
«За окном – ледяной сентябрь...»	12
«будет залита рубашка кровью, ...»	13
«В доме нашем давно когда-то звучало счастье...»	14
«Мой плюшевый приятель...»	15
«К сентябрю это всё закончится, уж поверь...»	16
Харон	17
Что мне делать теперь с тобой?	18
«Во веки вечные ничего тебе не должна ...»	19
«Мой разум не прочен, мой дом невысок...»	20
«Скрепки духовные давят хуже корсета...»	21
«Отложи свои косы – присядь на мою постель...»	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Синяя-синяя птица

Сборник стихов

Татьяна Костенко

Иллюстратор Татьяна Юрьевна Костенко

© Татьяна Костенко, 2022

© Татьяна Юрьевна Костенко, иллюстрации, 2022

ISBN 978-5-4498-9166-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Синяя, синяя птица...»

Синяя, синяя птица
прилетит к тебе ночью,
сядет на подоконник,
весело постучится
в немытое с прошлого лета
ледяное окно.
А ты ей скажешь:
«Прочь! Улетай,
мне и так не спится.
Я лежу на своей
односпальной
точно покойник.
Убери свои крылья —
здесь без них ужасно темно».

«Даже если грустишь...»

Даже если грустишь:
Это просто души катакомбы,
Завихрения крыш,
Свитера китайские в ромбах -

Их носили наши родители,
Принося своим мелким гостинцы:
Вдохновенные зрители
Западной сказки о принце.

Даже если грустишь:
Это временно, это на память
Оставляет Париж,
Ещё не увиденный нами,

Оставляет Венеция
Гондолами и каналами.
Это кофе и специи,
Дорогие колье с опалами,

Это горы Тибета
И карри цвета шафрана.
Беззаботное лето,
Одетое в сарафаны.

Даже если грустишь:
Это всё тебе только снится.
Это просто ты спишь.
И к утру беспокойная птица
Постучит в оконную раму:

И развеется сон туманом.
Погрусти, раз такой упрямый,
Ночь вокруг – просыпаться рано.

«Снова время застудило комнату...»

Снова время застудило комнату,
Растянулось выжеванной жвачкой,
Выдулось бесцветным пузырем.
Время петь или молиться шепотом?
Подавать или просить подачки?
Греться или стыть под фонарем?

Выброси часы с глухими стрелками:
Ими не измерить одиночество.
Ими не измерить пустоту.
Наш сарай – не дача в Переделкино,
Где искусство вкалывает обществу
Злой старик на купленном посту.

Брось хоть пару дров в утробу пламени,
Кубики хрустальные в стаканы,
Где ячмень свой завершает путь.
Мы теперь от внешнего избавлены:
Можем быть счастливыми и пьяными
И неосторожными ничуть.

«карамельный ветер...»

карамельный ветер:
цветные нити
липнут к пальцам,
делая их вкусными,
как конфеты.
проверьте!

мальчик Витя
мне дал покататься
свой велосипед, а я ему два билета
на страшный аттракцион.

пусть он испуганно
верещит,
глядя из верхней точки.

возможно, его рацион,
мамой с утра наструганный,
увидят все.

на деревьях созрели почки,
а значит, пришла весна,
та, что впивается в губы.

мы пойдем с Ним гулять допоздна,
как поменяются зубы.

«Этот город другой...»

Этот город другой
по субботам и воскресеньям:
нервным пьяницей
ищет сотню по всем карманам
между двух непланированных падений,
и ругается на прохожих смешно и пьяно.
Этот город
сверкает плотью коротких юбок,
пахнет дымом костров
с ароматом «Бонда» и «Winston».
Лезет в душу с кривой заточкой -
топорно, грубо-
в каждой реплике
засыпающего таксиста.
В этом городе ночь
начинается в пять утра,
когда спать ложатся
уставшие и не очень.
Этот город не вспомнит завтра,
где был вчера,
потому что не хочет.

«В голубой комнате...»

в голубой комнате,
не освещенной вечерним светом,
на подушке переплетаются руки.
не раздаются вопросы,
для которых не придумать ответа.
молчание.
скука.

голубой потолок
чернеет от трудных мыслей,
превращаясь в бездонный омут.
в календаре красным пугают числа:
не бойтесь – здесь вас не тронут.

шагнем в темноту испуганной тени,
дрожащей между ресниц.
свидетели собственных преступлений,
строители личных гробниц.

«За окном – ледяной сентябрь...»

За окном – ледяной сентябрь,
И вода в пустых батареях
Зло ворчит как живая тварь,
Остывая быстрее, чем греет.

Мир качается, словно в шторм
Судно, брошенное командой.
Слишком много хрустальных форм
Запылилось во тьме серванта.

Мы в плену у своих простуд
Дышим мелкой стеклянной крошкой.
Только ветер в ночи поет
Сиротливо губной гармошкой.

Мир расколот слюдой окна
И везде – темнота и слякоть.
Осень, лей до краев вина,
Чтобы меньше хотелось плакать.

«будет залита рубашка кровью, ...»

будет залита рубашка кровью,
и в крови столовые ножи.
о любви не сказано ни слова,
значит, можно дальше жить во лжи...

каждому – отдельный понедельник,
и подушки – каждому одна.
быстро мы друг другу надоели,
так, что виски залпом и до дна.

сомкнуты уже на горле пальцы:
проще убивать, чем целовать,
разлюбить – и нечего бояться.

каждому – отдельная кровать.

«В доме нашем давно когда-то звучало счастье...»

В доме нашем давно когда-то звучало счастье:
Просыпáлось в кровати с первым лучом рассветным.
А теперь исчезло. И даже сам бог не властен
Возвратить его нам – все молитвы и просьбы тщетны.

В наши окна скребётся пальцем сухим осина,
В нашу дверь стучат промотавшие жизнь соседки.
Мы сидим на кухне – беспомощные пингвины
На плывущей льдине сломанной табуретки.

«Мой плюшевый приятель...»

Мой плюшевый приятель
Рассыпался крупой.
Сидел он на кровати
Давно уже слепой.

То моль его терзала,
То прикорнувший гость.
Он пережил немало:
И грусть мою, и злость.

Он был моей опорой,
Подушкой и плечом.
Приятель мой распорот,
Рыдаю горячо.

Я зашиваю раны,
Противясь бытию.
Мой плюшевый и рваный,
Утешь печаль мою.

«К сентябрю это всё закончится, уж поверь...»

К сентябрю это всё закончится, уж поверь,
За одним закроется – а другим откроется дверь.
Голоса унылые обескровленно замолчат:
Всё сбылось плохое и покинуло общий чат.

Дальше будет лучше: ведь этого ты и ждёшь,
Осень сыплет золото – а ты его только жнёшь.
Станут ночи длинными – время прошлому уходить.
Дремлет лихо новое тоскою в твоей груди.

Харон

Истощенный старик в изодранном балахоне,
Возьми за проезд, в Аид отвези мою душу.
Сколько раз вцеплялись в тебя чужие ладони,
Умоляя не торопиться. Но знаешь, лучше

Зачерпнуть из воды за бортом рай амнезии,
Ведь неважно уже, что написано в некрологе.
Беспощадный старик, навалясь на весло, вези и
Ни о чём меня не спрашивай по дороге.

Что мне делать теперь с тобой?

Я стою над пропастью, рядом
Никогда не растили рожь.
Если ты окинешь пространство взглядом,
То, быть может, и сам поймёшь:

Убегая от мелочной боли,
От мигрени и от бессонницы,
Мы слишком много решили себе позволить:
Как мужу покойницы.

Ад на земле – прекрасное, знаешь, место,
Куда не беги – всегда в него попадёшь.
Мы стоим над пропастью.
А вдвоём над пропастью тесно.
Ждёт кого-то из нас впереди золотая рожь.

«Во веки вечные ничего тебе не должна ...»

Во веки вечные ничего тебе не должна —
И клятвы и росписи вблизи меня не удержат.
Эта идея – документировать чувства – смешна,
И говорить о них тоже стоит реже.

Во веки без фамилии и кольца,
Не разделяя радости и разлуки.
Я ускользаю гадюкой из-под венца
В твои теплом приманивающие руки.

«Мой разум не прочен, мой дом невысок...»

Мой разум не прочен, мой дом невысок,
Я выполз из штампом впечатанных строк,
Из рук не уснувшего ночью врача —
Он первый заставил меня закричать.

Я пахну землёй, куда тщетно стремлюсь,
Могилой сырой, где прохлада и грусть.
Я пахну как кожаный старый ремень —
Победой и смертью, бесплотной как тень.

Я пахну гадюкой, я выполз на пень,
Чтоб в солнечном свете дожить этот день.
Согреть свою плоть на закате времён,
Пусть разум потерян, и дом разорён.

«Скрепы духовные давят хуже корсета...»

Скрепы духовные давят хуже корсета.
Выкинуть их —
кому дело, во что одета?
Если слова твои не логичней бреда,
Слетают с губ цепью велосипеда.

Утренний брифинг пронизан привкусом хамства:
Можно перетерпеть на твоих лекарствах.
Ты ненакрашена, невыспанна и устала:
Поздно легла и как Лазарь из мертвых встала.

Утренний душ смывает тепло объятий:
Того, кто не любит, но честно за кофе платит.
Тебе никогда не понять этих правил тонких,
Лишь бы не выпасть из социальной гонки.

Люди тебе пишут в мессенджерах и чатах,
Ты отвечаешь к вечеру виновато.
Мир проплывает ковчегом, каменным фортом,
Лишь одиночки тонут в молчанье гордом.

«Отложи свои косы – присядь на мою постель...»

Отложи свои косы – присядь на мою постель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.